

Транзит транзита. Посткоммунистический опыт и эволюция его исследований

Михаил Минаков ¹

***Аннотация.** В эссе рассматривается изменение понятия посткоммунистического транзита во времена самого транзита. Научное сообщество переживало транзит и вместе с его и своими эволюциями меняло связанные с ним понятийный аппарат, словари и воображаемое.*

***Ключевые слова:** посткоммунистический транзит, Восточный Блок, СССР, революция, коррупция, надежда и безнадега*

«Не то, что есть, вызывает в нас чувство нетерпения и страдания,
а то, что оно не такое, каким оно должно быть.»

Г. В. Ф. Гегель

«Сложно предсказать, куда метнётся испугавшийся себя ум.»

В. Пелевин

С тех пор, как была открыта историчность человеческой ситуации — мол, мы живем не сейчас, но между прошлым и будущим — образы времени стали важнейшим источником вдохновения коллективной жизни. Например, прогресс и связанные с ним образы оказали огромное влияние на изменение социальной реальности большинства народов в последние три столетия. Этот прогресс видели и как нравственное развитие, и как секулярное взросление, и как эволюция наций, и как перманентная научно-техническая революция, и как гражданская эмансипация, и даже как становление бесклассового, гармоничного общества. Это последнее видение связано с возникновением социальной реальности мирового «Социалистического лагеря», в бараки которого входили республики Советского Союза и государства-сателлиты в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. В период между 1917 и 1991 годами, образы коммунистического прогресса являли себя в палитре смыслов от «пути к счастливому будущему человечества» до «вечного ГУЛАГа».

Парадоксально, но распад Восточного блока и СССР также рассматривали в терминах прогресса — как переход от несвободного общества, тоталитарной политики и административной экономики к гражданскому обществу, демократическому плюрализму и свободному рынку. Начавшийся посткоммунистический транзит как желанный переход и глубокая культурная

трансформация к лучшему приветствовалась многими и в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ), России, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, и за их пределами. Возможности капиталистической модернизации вдохновили новые элиты на лидерство в посткоммунистическом переходе. А цена этого перехода — роспуск «Второго мира» с его социалистической альтернативой западной современности (т. е. «Первого мира») — не выглядела высокой. Собственно, «Второй мир» покончил жизнь самоубийством, чтобы слиться с «Первым миром», а вышло, как вышло.

Перезапуск прогресса по образцу из-вне — «как в нормальных странах» — в посткоммунистических² обществах открыл пустоту геополитического воображения с дефицитом политических, социальных, экономических и этнокультурных означающих в период с 1989 по 1991 год. Территория, население, города и деревни все еще существовали между Западной Европой, Ираном и Китаем, но знакомые концепции и представления, некогда неразрывно связанные с этим регионом, были неприменимы к новой реальности. Ученым, журналистам, политикам, дипломатам и экспертам извне и внутри этого региона пришлось создавать новые символы быстро меняющегося хаоса посткоммунистического «пространства». Создание таких новых образов вместе с новой реальностью было, в некотором смысле, производством нового пророчества, которое должно было ответить на три вопроса неопределенного времени:

Какое оно, наше будущее?

Что должно желать?

Чего следует опасаться при переходе в будущее?

Производство транзитного пророчества стало полем для конкуренции между различными академическими, политическими и идеологическими лагерями. Жажда гегемонии в формировании целей, эмоций и средств посткоммунистического транзита была едва ли не единственной константой на протяжении последних тридцати лет плохо скрываемого хаоса. Неожиданные повороты перехода заставили все партии пересматривать первоначальные прогнозы, так социальная реальность неумолимо отклонялась от ожидаемого направления развития — от демократизации и европеизации — как когда-то коммунистический путь.

Этот спор между реальностью, экспертными концепциями и массовым воображаемым — процесс одновременно творческий и разрушительный. И в этом творческом разрушении нет ничего специфично восточноевропейского. Йозеф Шумпетер придумал этот термин, чтобы подчеркнуть Марксову идею об особенности развития капитализма: постоянное возникновение противоречий между старыми, новыми и новейшими производственными силами и отношениями является предпосылкой для непрекращающегося существования капитализма; капитализм нуждается в обновлении «вечной бури творческого

разрушения».³ Хотя Шумпетер использовал это понятие в ином историческом контексте, его реалистичность была доказана моделями развития в ЦВЕ. Возвращение негосударственного капитализма в посткоммунистический вакуум превратило регион в пространство постоянно растущих противоречий между производительными силами, производственными отношениями, экономическими структурами и социально-политической надстройкой.

Начиная с цезуры 1989–91 годов, в процессе посткоммунистического творческого разрушения резко изменилось жизненное пространство центрально- и восточно-европейских народов. Тони Джадт назвал это изменение пространственного восприятия в посткоммунистической Европе «открытием заново», картографированием новой реальности.⁴ Александр Эткин и я описали это «открытие заново» как переход от коллективного воображения, контролируемого монополистическим советским марксизмом, к периоду столкновений множественных воображений, которые распространяли «индивидуализм, неолиберализм, демократический либерализм, либертарианский анархизм, этнонационализм, религиозный консерватизм и антипрогрессивизм, которые случайно встречались и фрагменты которых укладывались в фундамент публичной сферы, слишком долго существовавшей без критического дискурса».⁵ Затем, после первых месяцев перехода избыточное символическое разнообразие вызвало усталость, возникла необходимость в кристаллизации некоего всеохватывающего воображаемого, которое и вылилось в посткоммунистический транзит, сочетающий в себе демократизацию, европеизацию и «переход к рынку».

В этой статье я попытаюсь описать этапы, в которых менялось воображаемое и реалии посткоммунистического транзита перехода с 1989/91 годов и далее в течение трех последних десятилетий. Эту дескрипцию я разбил на три периода:

- 1) во время и вскоре после начала транзита;
- 2) примерно через десять-пятнадцать лет после распада Восточного блока; и, наконец,
- 3) через двадцать-тридцать лет после объявления транзитного пророчества.

В этой статье я покажу, как концепция транзита утратила свой пророческий характер и открылась посткоммунистической социальной реальности.

Переживая перемены (1989–94)

Публичные высказывания интеллектуалов и политических лидеров в период с 1989 по 1991 год полны смещения понятий, что соответствовало событийному хаосу и характерно для людей, переживающих перемены — или являющихся их свидетелями извне. В этих высказываниях прорывается удивление скоростью и

глубиной трансформаций, неожиданно легким уходом от «реального социализма».⁶

Участники и наблюдатели революционных событий в Восточном блоке и СССР 1989–91 гг. выражали свой опыт и наблюдения при помощи двух взаимосвязанных образов. Во-первых, и западные и восточные авторы рассматривали происходящие перемены как окончание раскола между Западом и Востоком. Холодная война закончилась, и в Большой Европе вот-вот начнется новая эра мира. Экономическая и политическая «Берлинская стена» должна была рухнуть, а нормы, институты и практика Западной Европы должны были распространиться на все части континента, «от Лиссабона до Владивостока».⁷ Это пророчество также звучало как «возвращение в Европу» с множеством национальных и субнациональных значений, заложенных в этой идеологии.⁸ Творческое разрушение на Востоке включало в себя также деконструкцию норм и институтов, возникших в период между 1945 и 1988 гг., тем самым возвращая посткоммунистические общества к идеализированному межвоенному прошлому, или же установление неолиберальной политико-экономической модели, независимо от местной специфики. Образ континентального единства скрывал возникающие травмы с далеко идущими последствиями и давал импульс политической воле на неолиберальные изменения.

Во-вторых, советско-марксистское видение будущего было заменено пророчеством о переходе от авторитарной политики, государственной цензуры, политической полиции и административной экономики к гражданским свободам, либеральной демократии, плюралистической политике и свободному рынку. В 1989–91 гг. это называлось «всеобъемлющим транзитом». Как выразился Чарльз Фэрбенкс в дискуссии на страницах *«Journal of Democracy»*,

«по мере коллапса коммунизма
демократия и рыночная экономика появляются
как следующая политическая формула,
которую предстоит опробовать.»⁹

Апробирование этой формулы, как позднее показал Олег Гаврилишин, потребовало множества политических решений. Прежде всего решений о том, как быстро проводить реформы, что выбрать «шоковую терапию» или «быстрые реформы»? Во-вторых, как проводить приватизацию и создавать новый класс собственников и предпринимателей? В-третьих, каков лимит социальной цены за транзит? Наконец, должны ли рыночные институты, демократия и верховенство права создаваться одновременно или по очереди?¹⁰ Ответы на эти, зачастую метафизические, вопросы были неотъемлемой частью теории и практики всеобъемлющего транзита.

Два элемента — европеизация и комплексный переход, сочетающий демократизацию и становление рыночной экономики — неразделимы в понимании и объяснении посткоммунистического развития в начале 1990-х годов. Как оценивали современники этот комплекс?

Для левых интеллектуалов (преимущественно, нерадикалов и постмарксистов) падение Восточного блока и СССР было экзистенциальной проблемой. Тревога за судьбу «Второго мира» под руководством СССР была характерна в какой-то степени Иммануилу Валлерстейну и ученым из его окружения.¹¹ Интеллектуалы, выступавшие против «реального социализма» и подрывавшие его легитимность слева, среди которых были Дэниел Белл, Ральф Дарендорф, Юрген Габермас, Вацлав Гавел, Тони Джадт и Лешек Колаковский, восторженно приветствовали воссоединение Европы, но озабоченно смотрели на переход к демократическому капитализму в деле исправления коммунистических преступлений и «перекосов» социализма.¹² С их точки зрения, Восток и Запад Европы должны были создать *общее* пространство, а не *вестернизированное*, — регион общих ценностей и политического сотрудничества под присмотром Совета Европы. Тревогу вызывал тот факт, что новый европейский прогресс реализуется не только как антикоммунистическая революция 1989–91 годов, но и как развитие принципиально враждебное некоммунистическому социализму, консервативно ориентированное, каких-либо внятных позитивных целей социального развития.

В то же время перемены 1989–91 гг. предоставляли левым возможность построить Европу социального равенства и справедливости. Они рассматривали роспуск Восточного блока как шанс для реформированной социал-демократии, для «продолжения политической коммуникации, препятствующей выхолащиванию институциональных рамок конституционной демократии».¹³ Для того, чтобы левое видение социально справедливой Европы победило в конкуренции за будущее, Белл и Дарендорф призывали своих коллег исправлять преступления коммунизма и мыслить как «ревизионисты», вне марксистских догм.¹⁴

Если левые интеллектуалы смотрели на развитие Востока со смесью надежды и опаски, то либералы и неолибералы видели лишь великие перспективы для своего дела. Для них европеизация как таковая была менее важна, как слишком абстрактная цель. Вместо этого они искали вдохновения у Эрнандо де Сото,¹⁵ Фрэнсиса Фукуямы¹⁶ или Сэмюэля Хантингтона,¹⁷ чьи идеи — несмотря на их дисциплинарный контекст и академическую гипотетичность — воспринимались неолиберальными политиками и экспертами как руководство к транзиту — рывку к свободной экономике, открытым обществам и плюралистическим демократиям.¹⁸ Либеральные идеи того времени были поспешно воплощены в неолиберальные практики в связи с растущей гегемонией «Вашингтонского консенсуса».¹⁹

С самого начала неолиберальные экономисты смотрели на ЦВЕ сквозь призму перехода к капиталистической, свободной рыночной экономике. Одним из наиболее показательных документов, зафиксировавших визии этого лагеря, был, вероятно, доклад аналитиков Deutsche Bank, в котором оценивались перспективы экономического развития советских республик в 1990 году.²⁰ Авторы доклада выразили смесь истинно пророческого видения и слепоты к тому, что грядет в посткоммунистическом будущем. С одной стороны, эти аналитики были правы, предвидя скорый распад СССР (чего многие выдающиеся политологи того времени не ожидали).²¹ С другой стороны, долгосрочный прогноз об экономическом транзите — «сближение с экономическими и культурными стандартами Западной Европы» — представлял собой странный коктейль двусмысленных выводов.²² В отчете утверждалось, что «шесть из [советских — М.М.] республик имеют высокий экономический потенциал, пять — умеренный и четыре — слабый».²³ Среди советских республик с наилучшими перспективами экономического транзита неолиберальные аналитики выделили Украину. Сегодня, тридцать лет спустя, это кажется трагической ошибкой: Украина (наряду с Грузией и Молдовой) имеет один из самых низких с 1990 года темпов роста ВВП ППС (хотя и при относительно высоком уровне политических и гражданских свобод среди постсоветских стран).²⁴

Таким образом, в 1989–91 гг. пророчество о будущем ЦВЕ строилось путем сочетания элементов перехода (внутренне ориентированные экономические и политические процессы) и европеизации (многосторонний ориентированный вовне процесс). Это пророчество имело несколько парадоксальный характер: неолибералы связывали транзит с политэкономией, которая когда-то была сферой доминирования марксистов, в то время как левые интеллектуалы смотрели на транзит в контексте ценностей, что характерно больше с консервативным видением. Политэкономический проект неолибералов состоял в модернизации экономической базы зарождающихся посткоммунистических стран в надежде, что это приведет к политической демократизации надстройки. В свою очередь, левые инициировали общий европейский диалог в рамках Совета Европы, а затем и ЕС, который постоянно подрывали новые акторы посткоммунизма — националисты и национал-консерваторы объединенной Европы.

Несмотря на идеологические разногласия, обе части посткоммунистического пророчества заряжали уверенностью в том, что наступил новая эра — эра прогресса и улучшения всех сфер жизни посткоммунистических народов.

Концептуальное отрезвление (1995–2003)

Большие надежды революционных лет вскоре столкнулись с грубой реальностью — бедностью, конфликтами, дезорганизацией и другими

опытами, которые не вполне вписывались в первоначальное величие пророчества о транзите. Ожидания были еще живы, но опьянение верой сменялось транзитным похмельем.

Отрезвление, собственно, началось до 1995 года в среде левых интеллектуалов и практиков. Встреча их видения с реальностью хорошо описана в своеобразной исповеди Гавела, опубликованной в конце 1992 года:

«Возвращение свободы в пространство, которое стало морально ненормальным, привело к тому, что и должно было произойти, и, следовательно, к тому, чего мы должны были ожидать.

Но результат оказался намного серьезнее, чем кто-либо мог предсказать: невероятный и ослепительный взрыв каждого мыслимого человеческого порока.

Широкий спектр сомнительных или, по крайней мере, амбивалентных человеческих склонностей, тихо поощрявшихся в течение многих лет и, в то же время, тихо использовавшихся для повседневного функционирования тоталитарной системы, был внезапно выпущен... из смиренной рубашки и получил полную свободу действий. Авторитарный режим определенным образом упорядочил эти пороки... Этот порядок сейчас разрушен, а новый порядок, который бы мог ограничить такие пороки без их эксплуатации, ... до сих пор не построен».²⁵

Через четыре года Дэвид Белл опишет результат столкновения между изначальным видением посткоммунистического будущего и вскоре наступившей реальности транзитных обществ в терминах неожиданного кризиса: «крах коммунизма мы поначалу не рассматривали как кризис социал-демократии»,²⁶ но вместе с исчезновением Второго мира эта социал-демократия пришла в упадок на Западе и не возникла на Востоке. Иными словами, в ходе посткоммунистического транзита гегемония была установлена неолиберальным воображаемым в экономике и националистическим воображаемым в политике, в то время как социал-демократическая альтернатива потеряла своё влияние во всех частях Европы.

Еще больше исчезновение левой альтернативы было заметно в движениях «Третьего мира», ставшего в посткоммунистическом мире «глобальным Югом». Анализ школы Валлерстайна показал, что распад Восточного блока и последовавший за ним транзит довольно быстро перераспределили доступ к ресурсам современной мир-системы в пользу Запада, который также стал «глобальным Севером». При этом большая часть Второго мира, вопреки ожиданиям перемен 1989–91 гг., присоединилась к Югу.²⁷

К 2001 году идея Единой Большой Европы была реализована в форме членства всех европейских государств в Совете Европы со всеми вытекающими из этого членства обязательствами. ЕС расширился и в Центральную и даже в постсоветскую Восточную Европу (т. е. в Балтийские страны).²⁸ С формальной точки зрения, продолжающаяся европеизация была успешной. Однако с отрезвлением транзитных студий, исследовательская программа перехода стали гораздо более эмпирической и, таким образом, начала регистрировать проблемы развития и отклонения от ожидаемого направления этого развития. Спустя десять-пятнадцать лет после начала перемен, посткоммунистические государства управлялись разными режимами, варьирувавших от автократии до либеральной демократии. К этому времени Балканы прошли через распад Югославии, травматичные этнические войны и «гуманитарные» операции НАТО. А глобальная дихотомия на Север и Юг начинала делить Европу. Постсоветское ядро — Российская Федерация — начало свой собственный процесс реинтеграции, который вскоре столкнулся с «локомотивом интеграции» ЕС и НАТО.²⁹

Влияние идеологической позиции на исследователей транзита снизилось и в левой, и в неолиберальной средах. Исследователи региональных процессов развития прошли через свой, дисциплинарный транзит. Как справедливо отметил Ричард Саква,

«фактический ход трансформации оказался более сложным, чем предполагалось в ранние посткоммунистические времена. Сам процесс реформ породил такие новые явления, которые ставят под сомнение мудрость политических наук и экономики».³⁰

Этот самокритичный поворот можно охарактеризовать как постепенный отказ от видения «всеобъемлющего транзита» в пользу критического внимания к реальности там обществам, где посткоммунистическое развитие шло под лозунгами демократизации и создания рыночной экономики.

Эта тенденция особенно проявляется в изменении тональности, лексики и тематики публикаций в трех «магистральных» для исследования транзита журналах в этот период — журнал «*East European Politics*», «*Journal of Democracy*» и журнал «*Demokratizatsiya*». Анализ содержания этих журналов за период с 1995 по 2003 год показывает, что с каждым годом сокращается использование термина «транзит» (transit, transition); термин «демократизация» часто заменялся термином «политический плюрализм» или «электоральная демократия». Всё больше и больше публикаций рассматривали национализм и евроскептицизм, а также «системную коррупцию», рожденную рыночными реформами. К 2003 году последняя тема оказалась в центре всеобщего

внимания. Более того, тон публикаций резко отличался своим скептицизмом и отстраненностью тона от духа публикаций 1989–93 гг.

Работая с публикациями этих журналов, я заметил несколько этапов, на которых проводились исследования посткоммунистического перехода. В 1989–93 годах журналы были открыты для дискуссий между (а) старшим поколением кремлевцев и «исследователей коммунизма» (communism scholars), склонных использовать концепции времен холодной войны; (б) бывшими диссидентами и новыми политическими лидерами в Центральной и Восточной Европе; (в) более молодым поколением ученых, занимающихся вопросами посткоммунизма; (г) экспертами по вопросам развития (транзитологи) и экономистами. В то время публикации варьировались от стандартных научных работ до интеллектуальной журналистики. Одним из наиболее значимых результатов стало создание общего языка и видения, зачастую идеологически предвзятого, которые ученые и специалисты-практики в области политики и экономики использовали для описания новой социальной реальности на востоке Европы.

После 1994 года, и особенно после 1997–8 годов, публикации утратили свою открытую «партийность» и стали более реалистичными. Диалог между учеными, экспертами и политиками сократился до минимума. Доклады носили более описательный, менее аналитический характер. Ко времени «десятой годовщины» начала транзита у публикации ученых уже заметно отличались от победных юбилейных речей политических лидеров.³¹ Правда во время «цветных революций» и авторитарной реакции (2003–5 гг.) академическое сообщество ненадолго вернулось к первоначальному посткоммунистическому энтузиазму, но быстро перешло к сбору данных, критическому анализу и размышлениям о собственном концептуальном аппарате.

Именно после цветных революций произошло окончательное отрезвление. Оно касалось и исследователей, и практиков транзита. Например, Шале Горовиц и некоторые другие исследователи начали высказывать сомнения в том, что стремление к демократизации и свободной экономике может быть ключом к пониманию развития 1990-х годов. Для них глубина и характер конфликтов во время распада Восточного блока были важнее идеологических или экономических факторов.³² В то же время, Джон Драйзек и Лесли Холмс выражали озабоченность в связи с этическим вопросом транзитологии: не способствовали ли посткоммунистические исследования не только преодолению травм коммунизма, но и возникновению восточноевропейского «неблагодарного и непрощающего» капитализма («ungenerous and unforgiving»), наложившегося на «сильное загрязнение окружающей среды и унаследованную неповоротливую государственную бюрократию».³³ Критический самоанализ транзитологов говорил о том, что социальная реальность посткоммунизма была богаче, быстрее и изменчивее, чем их методы и теории. Поэтому посткоммунистические исследования

должны были пройти коррекцию таким образом, чтобы быть ближе к реальности и дальше от политики. Эти выводы были переформулированы Джоном Пиклзом и Адрианом Смитом как два недостатка посткоммунистической политэкономии:

- 1) дефицит сколько-нибудь проверенной теории в поддержку «неолиберального взгляда на транзит, которым руководствуются западные многосторонние учреждения и советники правительств в ЦВЕ», и
- (2) необоснованное упрощение транзита как «однонаправленного процесса перехода от одной гегемонической системы к другой». ³⁴

Эти выводы были сделаны в результате дискуссии, начатой еще в 2002–3 гг., по вопросу о том, имеет ли вообще какую-либо научную ценность парадигма транзита. Самая резкая критика этой парадигмы исходила от Томаса Карозерса, который осмелился призвать к пересмотру пяти основных стереотипов теории посткоммунистического транзита:

- (1) отход от авторитаризма означает движение к демократии;
- (2) демократизация происходит в несколько определенных этапов;
- (3) выборы — ключевой фактор в укреплении демократии;
- (4) «экономическое развитие или этнический состав, а также исторический опыт» не влияют на темпы и качество демократизации;
- (5) «третья волна» демократизации происходит только в функционирующем государстве. ³⁵

Несмотря на то, что этот призыв не получил широкой поддержки сразу же, ³⁶ он ускорил выход исследований посткоммунистического транзита за рамки пророчества 1989 года.

Это период развития транзитологии завершился не только призывом Карозерса к ревизионизму, но и ростом внимания к роли этнонационализма на развитие стран Центральной и Восточной Европы, к противоречиям в собственно посткоммунистическом государственном строительстве (в том числе возникновение сети непризнанных государств), к новой политической культуре и ее роли в демократической или авторитарной консолидации, к результатам влияния западных международных организаций (напр., МВФ, Всемирный банк, USAID и TACIS) на развитие ЦВЕ и, наконец, на растущее недовольство местных элитам и обществ демократией и рыночной экономикой.

Десять — пятнадцать лет после начала транзита в транзитологии произошел переход — отчасти из-за описанных выше дискуссий, а отчасти из-за «цветных революций» и эмоциональной реакции на них. Кроме того, вступление части стран ЦВЕ в Европейский Союз поставило перед

исследователями транзита уделять более пристальное внимание сравнению результатов посткоммунистического перехода на Востоке.

Посткоммунистический прогресс под вопросом (2003–2021)

Волна «цветных революций» — от «бульдозерной революции» (Белград 2000) к «революции роз» (Тбилиси 2003), к «оранжевой революции» (Киев 2004) и к «тюльпановой революции» (Бишкек 2005) — спровоцировала события, которые, вероятно, имели решающее значение для эволюции оценок посткоммунистического перехода. Эти, преимущественно мирные, гражданские протесты привели к смене правящих элит и к новой волне демократических реформ и европейской интеграции. А это вызвало позабытый уже энтузиазм транзитологов, политиков и активистов. Новый революционный импульс дарил возможность исправить неудачи первого десятилетия посткоммунистического развития. Ненадолго вернулась надежда, что транзит — с учетом всех уроков 1990-х — можно перезапустить.³⁷

Этот энтузиазм длился не так долго, как в начале 1990-х годов: революционные обещания утонули в политической борьбе между лагерями победителей, в неуничтожимой коррупции и в авторитарной реакции соседних стран на «цветные революции» (в России, Беларуси, Азербайджане и Казахстане, например).³⁸ Такой короткий цикл от надежды к разочарованию был терапевтическим для транзитологов: публикации о «цветных революциях» свидетельствуют, как быстро — в течение пары лет — энтузиазм сменился сбалансированным анализом.

В то же время энтузиазм от вступления центральноевропейских стран в Европейский Союз быстро стал уравновешиваться опасением того, что консервативные и национал-популистские партии консолидируют власть в своих руках, невзирая на *acquis communautaire*. Кристаллизация евроскептицизма, рост и укрепление неформальных связей между коррумпированными элитами Центральной и Восточной Европы и России, а также возрастающая привлекательность правых идеологий оказались в фокусе внимания новых исследований транзита.³⁹ В 2009 году Владимир Тисманеану с горечью признал, что, несмотря на различия в богатстве, на принадлежность к различным геополитическим структурам и на глубину рыночных реформ, посткоммунистический регион остается единым от Вышеграда до России и «других некогда советских республик».⁴⁰

Если в 1990-е транзитология возникала под неоспоримым влиянием западных концепций и ученых, то к концу первого десятилетия XXI столетия новое понимание транзита выросло одновременно и на Западе, и на Востоке. Это была транзитология разочарования: общества Востока Европы, порвав с коммунизмом, сползли в несвободные режимы, основанные отчасти на новых, а отчасти старых политико-экономических основаниях. Социализм и

капитализм больше не рассматривались как взаимоисключающие. Они накладывались, смешивались и порождали политическую экономию новой Восточной Европы с ее собственной динамикой конфликтов (включая войны в Грузии и Украине) и сотрудничества.

Прежде всего, новые исследования отказывались от оценок политических и экономических процессов в соответствии с ценностями Совета Европы, ЕС или универсальных показателей либеральной демократии и верховенства права. В новой транзитологии основное внимание уделялось эффективности режимов, результатам социально-экономического развития, а также неформальным властным сетям. Так, понятия «конкурентный авторитаризм», «патронализм», «неопатримониализм» или «мафиозное государство» стали инструментами описания, анализа и прогнозирования политических процессов и рисков для международной безопасности. Основываясь на изучении политических трансформаций во всех странах Юга, включая ЦВЕ, Стивен Левицкий и Лукан А. Уэй утверждали, что в переходных обществах сильной демократии слишком часто препятствует слабое государство, неспособное обеспечить правопорядок и верховенство закона, в то время как успешное государственное строительство увеличивает шансы на авторитарную консолидацию, которая, в свою очередь, токсична для гражданских прав и благого управления.⁴¹ Александр Фисун и Генри Хейл доказывали критическую важность неформальных, персоналистических (патрональных/неопатримониальных) сетей для развития постсоветских режимов; на основе этой методологии Хейл предложил систематизировать постсоветские политические системы с точки зрения «единой пирамиды» или «конкурирующих пирамид».⁴² Баллинт Мадьяр применил тот же принцип соотношения формальных и неформальных институтов власти для анализа режима в Венгрии; его исследование показало, что страна, формально являющаяся чемпионом европейской интеграции и посткоммунистического транзита, тем не менее, превратилась в «мафиозное государство», политическую систему, основанную на патронате и коррупции.⁴³ Его метод был успешно применен для анализа других посткоммунистических стран, включая Беларусь, Россию, Румынию и Украину.⁴⁴

Кроме того, концепция европеизации, которая так долго находилась вне критического обсуждения, также попала под пересмотр современных транзитологов. Например, Ричард Янгс продемонстрировал, как «европейская интеграция» изменила свои формы и содержание после тридцати лет применения в отношении Востока.⁴⁵ Основываясь на анализе современных политических и административных практик европеизации, Янгс выделил пять форм, некоторые из которых не вписываются в «идеалы транзита» и, как минимум, не коррелируют с демократизацией:

1. «Остаточная» европеизация все еще сохраняет развивающий потенциал и демократическое притяжение к ЕС, как и в 1990-е, но все меньше и меньше.
2. «Политически нейтральная» европеизация — это влиятельная тенденция, способная формировать реальные процессы распределения власти и ресурсов, безразличные к их демократическому или антидемократическому качеству.
3. «Антидемократическая европеизация» означает те «антилиберальные тенденции внутри ЕС, [которые] дают кислород антилиберальным акторам во всем европейском пространстве».
4. «Обратная европеизация» — это тенденция, артикулирующая тот факт, что ЕС и его политики приобретают все меньшую актуальность в определенных сферах или регионах.
5. Смешение вышеуказанных форм в «двунаправленной европеизации», которая «может работать и в интересах демократии, и ей в ущерб».⁴⁶

Это критическое и реалистичное рассмотрение практик «европеизации», когда-то связанных с концепцией транзита, открывает совершенно новое поле исследований форм европеизации во все еще Большой Европе.

Наконец, все большую роль в новом понимании и оценке посткоммунистического транзита играют новые левые Юга. Один из наиболее влиятельных критиков переходных исследований — Даян Джайатиллека, яркий представитель современного деколониального движения. Он проводит ревизию старой концепции транзита с целью деконструкции гегемониального дискурса глобального Севера, в том числе, в оценках посткоммунистического развития. Джайатиллека утверждает, что контроль Запада над памятью о советском блоке и над пониманием посткоммунистического транзита является частью стратегии гегемонии Севера, подрывающей прогрессивистские социалистические движения Юга.⁴⁷ Как Джайатиллека, так и многие другие левые интеллектуалы утверждают, что истоки и движущие силы кризиса коммунизма находились в самом Восточном блоке. Это означает, что Восточный блок не был «побежден» Западом, а, скорее, рухнул по собственным внутренним причинам. Таким образом, убежденность Севера в том, что социализм рухнул из-за экономического превосходства капитализма, не обязательно верна. Опыт посткоммунистических стран, развивающихся три десятилетия по капиталистической модели, остаются беднее, чем страны глобального ядра. Вывод Джайатиллека и левых исследователей транзита заключается в том, что социализм не был обречён, что его можно было бы реформировать, и что эту гипотезу нужно изучать с не меньшим тщанием, чем неолиберальные методы развития.⁴⁸

Кроме того, важно отметить, что в транзитологии все более важным становится голос китайского академического сообщества со своей исследовательской перспективой в вопросе посткоммунистического транзита. Я могу судить об этих исследованиях только по эпизодическим англоязычным публикациям, которые, тем не менее, демонстрируют и постоянный интерес современного Китая к причинам распада СССР и Восточного блока, а также внимательное и реалистичное изучение посткоммунистического транзита. Примером такого интереса является серия исследовательских программ, посвященных кризису Советского Союза и постсоветскому развитию, проведенная Китайской академией общественных наук в период с 1993 по 2006 год.⁴⁹ По мнению Гуан Гуйхая (Guan Guihai), эти исследования были направлены на изучение исторических причин распада СССР и уроков посткоммунистического перехода в ЦВЕ и России.⁵⁰

Вместо выводов

Посткоммунистический транзит продолжается, как и исследования в этой области. Транзитология оказалась важной и жизнеспособной трансдисциплинарной академической областью, где исследователи социальных и гуманитарных дисциплин сталкиваются с несколькими постоянно меняющимися, но взаимосвязанными обстоятельствами: прогрессом и регрессом посткоммунистических обществ, и большим или меньшим плюрализмом методов и позиций в самой теории транзита. Упомянутые общества продолжают заниматься своими проблемами, как и другие народы Земли. Их продолжающийся транзит такой же, как и развитие любого другого общества. А транзитология, в силу своего непростого тридцатилетнего развития, превратилась в научную практику, которая весьма критична в отношении своего предмета, методов, концепций и подходов. Постепенно она избавляется от гегемонии одной, «западной» позиции, и включает в себя больше иных подходов к оценке транзита. Критичность, реалистичность и методологическая открытость дают прочные основания для надежды, что эта научная практика поможет в будущем уменьшить ущерб и от неурядиц истории, и от наших дисциплинарно-идеологических метаний.

Bibliography

- Минаков, Михаил. «Цветные революции» в постсоветском мире: причины и последствия», *Общая тетрадь* 2–3 (2012): 42–61.
- Шумпетер, Йозеф А. *Капитализм, социализм и демократия* (М.: Экономика, 1995).

- Arrighi, Giovanni, Beverly J. Silver, and Benjamin D. Brewer. "Industrial convergence, globalization, and the persistence of the North-South divide", *Studies in comparative international development* 38(1) (2003): 3–31.
- Bardhan Pranab K. et al., *Globalization and Egalitarian Redistribution* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006).
- Beacháin, Donnacha Ó., and Abel Polese, eds. *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics* (London: Routledge, 2010).
- Bell, Daniel, and Ralf Dahrendorf, "Wir sollten endlich alle Revisionisten sein," *Die Zeit*, December 29, 1989, <https://www.zeit.de/1990/01/wir-sollten-endlich-alle-revisionisten-sein/komplettansicht>.
- Bell, David S. "Post-Communism in Western Europe," *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 12(2) (1996): 240–66.
- Bromley, Ray. "A New Path to Development? The Significance and Impact of Hernando De Soto's Ideas on Underdevelopment, Production, and Reproduction," *Economic Geography* 66(4) (1990): 328–348.
- Bugaric, Bojan. "Populism, Liberal Democracy, and the Rule of Law in Central and Eastern Europe", *Communist and Post-Communist Studies* 41(2) (2008): 191–203.
- Carothers, Thomas. "The End of the Transition Paradigm," *Journal of Democracy* 13(1) (2002): 3–12.
- Cheterian, Vicken. "From Reform and Transition to 'Coloured Revolutions'," *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 25(2–3) (2009): 136–160.
- Coppieters, Bruno et al., *Europeanization and Conflict Resolution: Case Studies from the European Periphery*. Vol. 3. (Brussels: Academia Press, 2004).
- Corbet, Jürgen et al., *The Soviet Union at the Crossroads: Facts and Figures on the Soviet Republics* (Frankfurt/M: Deutsche Bank, 1990).
- Etkind, Alexander, and Mikhail Minakov, "Post-Soviet Ideological Creativity," in *Ideology After Union*, eds. Alexander Etkind and Mikhail Minakov (Stuttgart: ibidem, 2020)
- Fairbanks, Charles H. "The Suicide of Soviet Communism", *Journal of Democracy* 1(2) (1990): 20–31.
- Fisun, Oleksandr. "Rethinking post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective", *Demokratizatsiya* 20(2) (2012): 80–93.
- Fukuyama, Francis. "The End of History?" *The National Interest* 16 (1989): 3–18.
- Gans-Morse, Jordan. "Searching for Transitologists," *Post-Soviet Affairs* 20(4) (2004): 320–349.
- Guihai, Guan. "The Influence of the Collapse of the Soviet Union on China's Political Choices," in *China Learns from the Soviet Union, 1949–Present*, eds. Thomas P., Bernstein, et al. (Rowman & Littlefield, 2010) 1058–74.
- Habermas, Jürgen. "What Does Socialism Mean Today?" in *After the Fall: The Failure of Communism and the Future of Socialism*, ed. Robin Blackburn (London: Verso, 1991) 25–46.
- Hale, Henry E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*, (Cambridge: Cambridge University Press, 2014).
- Havel, Václav. "Paradise Lost," *New York Review of Books* 39(7) (1992): 6.
- Havrylyshyn, Oleh. *Divergent Paths in Post-Communist Transformation*, (London: Palgrave Macmillan, 2006).
- Horowitz, Shale. "Sources of Post-Communist Democratization," *Nationalities Papers* 31(2) (2003): 118–29.

- Huntington, Samuel P. "Democracy's Third Wave," *Journal of Democracy* 2(2) (1991): 12–34.
- Jayatileka, Dayan. *The Fall of Global Socialism: A Counter-Narrative from the South* (Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2014).
- Jeffries, Ian. *The Countries of the Former Soviet Union at the Turn of the Twenty-First Century* (London: Routledge, 2004).
- Judt, Tony. "The Dilemmas of Dissidence: the Politics of Opposition in East-central Europe," *East European Politics and Societies* 2(2) (1988): 185–240.
- Kolakowski, Leszek. "Uncertainties of a Democratic Age," *Journal of Democracy* 1(1) (1990): 47–50.
- Magyar, Bálint. *Post-Communist Mafia State* (Budapest: Central European University Press, 2016).
- Magyari, László. "The Romanian Patronal System of Public Corruption," in *Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes*, ed. Bálint Magyar (Budapest: CEU Press, 2019) 275–319.
- Maier, Charles S. *Dissolution: The Crisis of Communism and the End of East Germany* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999).
- Mikhail Minakov, "Big Europe's Gap: Dynamic Obstacles for integration between EU and EAEU," in *The Eurasian Economic Union and the European Union: Moving Toward a Greater Understanding*, eds. Angela Di Gregorio and Angela Angeli (eds) (The Hague: Eleven International Publishing, 2017) 42–59.
- Minakov, Mikhail. "Republic of Clans: The Evolution of the Ukrainian Political System," in *Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes*, ed. Bálint Magyar (Budapest: CEU Press, 2019) 217–245.
- Minakov, Mikhail. "Shades of Periphery: A Typology of States in New Eastern Europe," in *Centres and Peripheries in the Post-Soviet Space*, eds. Alexander Filippov et al., (Bern: Peter Lang, 2020) 87–88.
- Neumayer, Laure. "Euroscepticism as a Political Label", *European Journal of Political Research* 47(2) (2008): 135–160.
- Petrov, Nikolai. "Putins Neo-Nomenklatura System" in *Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes*, ed. Bálint Magyar (Budapest: CEU Press, 2019) 179–216.
- Pickles, John, and Adrian Smith, eds. *Theorizing Transition: the Political Economy of Post-Communist Transformations* (London: Routledge, 2005).
- Rouda, Uladzimir. "Is Belarus a Classic Post-Communist Mafia State?" in *Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes*, ed. Bálint Magyar (Budapest: CEU Press, 2019) 247–274.
- Sakwa, Richard ed. *The Experience of Democratization in Eastern Europe* (Berlin: Springer, 1999).
- Steven Levitsky and Lucan A. Way, *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), 355–7.
- Szczerbiak, Aleks, and Paul Taggart, eds. *Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism*, Vol. 1. (Oxford: Oxford University Press, 2008).
- Tismaneanu, Vladimir. *Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009).
- Tony Judt, "The Rediscovery of Central Europe", *Daedalus* 119(1) (1990): 23–54.
- Vachudova, Milada Anna and Tim Snyder, "Are Transitions Transitory? Two Types of Political Change in Eastern Europe Since 1989," *East European Politics and Societies* 11(1) (1996): 1–35.

- Verdery, Katherine. “Transnationalism, Nationalism, Citizenship, and Property: Eastern Europe since 1989”, *American Ethnologist* 25(2) (1998): 290–309.
- Wallerstein, Immanuel. *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989).
- Williamson, John. “Democracy and the ‘Washington Consensus’”, *World development* 21(8) (1993): 1329–1336.
- Youngs, Richard. “The New Patchwork Politics of Wider Europe,” *Centre for European Policy Studies website*, October 28, 2019, <https://3dcftas.eu/publications/the-new-patchwork-politics-of-wider-europe>.

Примечания

- 1 Михаил Минаков — главный редактор Κοινή. The Almanac of Philosophical Essays и старший научный сотрудник Института Кеннана (Международный научный центр им. Вудро Вильсона). Сфера интересов Михаила — онтология, социальная философия, идеология и био/некрополитика.
- 2 Я использую в этом тексте термин «посткоммунистический» как общую характеристику для всех народов, существовавших в социальной реальности, созданной по моделям левой радикальной мысли начала и середины XX века.
- 3 Йозеф А. Шумпетер, *Капитализм, социализм и демократия* (М.: Экономика, 1995).
- 4 Tony Judt, “The Rediscovery of Central Europe”, *Daedalus* 119(1) (1990): 23–54.
- 5 Alexander Etkind and Mikhail Minakov, “Post-Soviet Ideological Creativity,” in *Ideology After Union*, eds. Alexander Etkind and Mikhail Minakov (Stuttgart: ibidem, 2020) 10.
- 6 Наверное, наиболее показательны статьи и реплики, напечатанные в журнале «East European Politics» с №4 (1988) до №10 (1994); в номере 119(1) за 1990 год журнала «Daedalus»; и в первых трех номерах журнала «Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization», изданные с 1992 по 1994 гг. Соприсутствие ведущих советских, центрально- и западноевропейских и американских публицистов, философов и политологов позволяет посмотреть на 1989-91 гг. удивленными глазами современников.
- 7 Bruno Coppieters et al., *Europeanization and Conflict Resolution: Case Studies from the European Periphery*. Vol. 3. (Brussels: Academia Press, 2004).
- 8 Charles S. Maier, *Dissolution: The Crisis of Communism and the End of East Germany* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999) 20ff; Katherine Verdery, “Transnationalism, Nationalism, Citizenship, and Property: Eastern Europe since 1989”, *American Ethnologist* 25(2) (1998): 293.
- 9 Charles H. Fairbanks, “The Suicide of Soviet Communism,” *Journal of Democracy* 1(2) (1990): 23.
- 10 Oleh Havrylyshyn, *Divergent Paths in Post-Communist Transformation*, (London: Palgrave Macmillan, 2006) 21-22.
- 11 См., например, второе издание книги: Immanuel Wallerstein, *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations* (второе издание: Cambridge: Cambridge University Press, 1989 [первое издание — 1984]) 90-94.
- 12 Сошлюсь тут лишь на несколько работ: Jürgen Habermas, “What Does Socialism Mean Today?” in *After the Fall: The Failure of Communism and the Future of Socialism*, ed. Robin Blackburn (London: Verso, 1991) 25-46; Tony Judt, “The Dilemmas of Dissidence: the Politics of Opposition in East-central

Europe,” *East European Politics and Societies* 2, no 2 (1988): 185-240; Leszek Kolakowski, “Uncertainties of a Democratic Age,” *Journal of Democracy* 1, no 1 (1990): 47-50.

13 Habermas, “What Does Socialism Mean Today?” 45.

14 Daniel Bell and Ralf Dahrendorf, “Wir sollten endlich alle Revisionisten sein,” *Die Zeit*, December 29, 1989, <https://www.zeit.de/1990/01/wir-sollten-endlich-alle-revisionisten-sein/komplettansicht>.

15 Ray Bromley, “A New Path to Development? The Significance and Impact of Hernando De Soto’s Ideas on Underdevelopment, Production, and Reproduction,” *Economic Geography* 66(4) (1990): 328–348.

16 Francis Fukuyama, “The End of History?” *The National Interest* 16 (1989): 3–18.

17 Samuel P. Huntington, “Democracy’s Third Wave,” *Journal of Democracy* 2(2) (1991): 12–34.

18 Об этом см.: Milada Anna Vachudova and Tim Snyder, “Are Transitions Transitory? Two Types of Political Change in Eastern Europe Since 1989,” *East European Politics and Societies* 11(1) (1996): 1–35.

19 Подробности о слиянии внешней политике США, опыта трансформаций Латинской Америки и посткоммунистического транзита см.: John Williamson, “Democracy and the ‘Washington Consensus’”, *World development* 21(8) (1993): 1329–1336.

20 Jürgen Corbet et al., *The Soviet Union at the Crossroads: Facts and Figures on the Soviet Republics* (Frankfurt/M: Deutsche Bank, 1990).

21 Corbet et al., *The Soviet Union at the Crossroads* 5.

22 Corbet et al., *The Soviet Union at the Crossroads* 7.

23 Ibid.

24 Смотри ВВП ППС (константа 2010 US\$) в: Ukraine, World Bank official database, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD?locations=UA>; “Freedom in the World 2020,” Freedom House official website, June, 2020, <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2020/leaderless-struggle-democracy>. Сравнение социально-экономического и политического развития постсоветских европейских республик есть тут: Mikhail Minakov, “Shades of Periphery: A Typology of States in New Eastern Europe,” in *Centres and Peripheries in the Post-Soviet Space*, eds. Alexander Filippov et al., (Bern: Peter Lang, 2020) 87–88.

25 Václav Havel, “Paradise Lost,” *New York Review of Books* 39(7) (1992): 6.

26 David S. Bell, “Post-Communism in Western Europe,” *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 12(2) (1996): 247.

27 Arrighi, Giovanni et al. “Industrial convergence, globalization, and the persistence of the North-South divide”, *Studies in comparative international development* 38(1) (2003): 4ff; Pranab K. Bardhan et al., *Globalization and Egalitarian Redistribution* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006) 77ff.

28 Coppieters et al., *Europeanization*, 17ff.

29 Mikhail Minakov, “Big Europe’s Gap: Dynamic Obstacles for integration between EU and EAEU,” in *The Eurasian Economic Union and the European Union: Moving Toward a Greater Understanding*, eds. Angela Di Gregorio and Angela Angeli (eds) (The Hague: Eleven International Publishing, 2017) 47ff.

30 Richard Sakwa ed. *The Experience of Democratization in Eastern Europe* (Berlin: Springer, 1999) 7ff.

31 Смотри, например: Ian Jeffries, *The Countries of the Former Soviet Union at the Turn of the Twenty-First Century* (London: Routledge, 2004).

32 См.: Shale Horowitz, “Sources of Post-Communist Democratization,” *Nationalities Papers* 31(2) (2003): 120.

- 33 John S. Dryzek and Leslie Holmes, *Post-Communist Democratization: Political Discourses across Thirteen Countries* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002) 3–4.
- 34 John Pickles and Adrian Smith, eds., *Theorizing Transition: the Political Economy of Post-Communist Transformations* (London: Routledge, 2005) 1–2.
- 35 Thomas Carothers, “The End of the Transition Paradigm,” *Journal of Democracy* 13(1) (2002): 7ff.
- 36 A critical reaction to Carothers’s article can be seen, for example, here: Jordan Gans-Morse, “Searching for Transitologists,” *Post-Soviet Affairs* 20(4) (2004): 320–349.
- 37 Vicken Cheterian, “From Reform and Transition to ‘Coloured Revolutions’,” *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 25(2–3) (2009): 157–8.
- 38 Donnacha Ó. Beacháin and Abel Polese, eds., *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics* (London: Routledge, 2010); Михаил Минаков, «Цветные революции» в постсоветском мире: причины и последствия», *Общая тетрадь* 2–3 (2012): 59.
- 39 Вот несколько симптоматичных публикаций: Laure Neumayer, “Euro scepticism as a Political Label”, *European Journal of Political Research* 47(2) (2008): 135–160; Aleks Szczerbiak and Paul Taggart, eds., *Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euro scepticism*, Vol. 1. (Oxford: Oxford University Press, 2008); Bojan Bugarcic, “Populism, Liberal Democracy, and the Rule of Law in Central and Eastern Europe,” *Communist and Post-Communist Studies* 41(2) (2008): 191–203.
- 40 Vladimir Tismaneanu, *Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009) ix.
- 41 Steven Levitsky and Lucan A. Way, *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), 355–7.
- 42 Oleksandr Fisun, “Rethinking post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective,” *Demokratizatsiya* 20(2) (2012): 88ff; Henry E. Hale, *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*, (Cambridge: Cambridge University Press, 2014) 64–67.
- 43 Bálint Magyar, *Post-Communist Mafia State* (Budapest: Central European University Press, 2016) 22ff.
- 44 Uladzimir Rouda, “Is Belarus a Classic Post-Communist Mafia State?” in *Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes*, ed. Bálint Magyar (Budapest: CEU Press, 2019) 247–274; László Magyar, “The Romanian Patronal System of Public Corruption,” in *Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes*, ed. Bálint Magyar (Budapest: CEU Press, 2019) 275–319; Nikolai Petrov, “Putins Neo-Nomenklatura System” in *Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes*, ed. Bálint Magyar (Budapest: CEU Press, 2019) 179–216; Mikhail Minakov, “Republic of Clans: The Evolution of the Ukrainian Political System,” in *Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes*, ed. Bálint Magyar (Budapest: CEU Press, 2019) 217–245.
- 45 Richard Youngs, “The New Patchwork Politics of Wider Europe,” *Centre for European Policy Studies website*, October 28, 2019, <https://3dcftas.eu/publications/the-new-patchwork-politics-of-wider-europe>.
- 46 Youngs, “The New Patchwork Politics of Wider Europe,” 5–7.
- 47 Dayan Jayatilaka, *The Fall of Global Socialism: A Counter-Narrative from the South* (Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2014) 2.
- 48 Jayatilaka, *The Fall of Global Socialism*, 2–4.
- 49 Guan Guihai, “The Influence of the Collapse of the Soviet Union on China’s Political Choices,” in *China Learns from the Soviet Union, 1949–Present*, eds. Thomas P., Bernstein, et al. (Rowman & Littlefield, 2010) 1060.

50 Guihai, “The Influence of the Collapse of the Soviet Union,” 1061.